

РУССКИЕ И БОЛГАРСКИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ КАК ИЛЛЮСТРАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Ю. И. Чакырова

Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского (Болгария)

Resumen

Además del vocabulario, las categorías gramaticales también ilustran la mentalidad y la visión lingüística nacional del mundo. El presente trabajo compara los pronombres indefinidos rusos y búlgaros como una ilustración de las semejanzas y diferencias de este fragmento de la visión del mundo ruso y búlgaro.

Palabras clave: visión lingüística del mundo, pronombres indefinidos.

Abstract

In addition to vocabulary, grammatical categories also illustrate mentality and national language picture of the world. The study compares Russian and Bulgarian indefinite pronouns as an illustration of similarities and differences of this fragment of Russian and Bulgarian language picture of the world.

Key words: language picture of the world, indefinite pronouns.

Работы, посвященные языковой картине мира и связанной с ней проблематике, за последние несколько лет поражают своим количеством и многообразием. Смена научной парадигмы является результатом выдвижения на первый план человека как носителя языка, владеющего системой языка и пользующегося этой системой, человека как языковой личности. Такая смена ценностных ориентаций в науке была подготовлена достижениями лингвистики, теории речевых актов, лингвистики текста, социолингвистики, семантики, прагматики, когнитивной психологии, философии, логики, etc.

Количество работ, анализирующих языковой материал через призму носителя языка возрастает невероятно быстро¹. Один из аспектов этих исследований связан с проблемой различия между картинками, отраженными в разных языках. В этом контексте актуальным и интересным является исследование выражения неопределенности в русском и болгарском языках при помощи неопределенных местоимений (далее – НМ) и наречий как иллюстрации русской и болгарской языковой картины мира. Е. В. Падучева называет НМ самым интересным, с лингвистической точки зрения, носителем идеи незнания (Падучева 1997: 22). Близкое родство двух упомянутых языков, этнологическая и историческая общность славянской душевности русского и болгарского народов, видимо, не являются достаточным условием для совпадения их языковых картин мира.

Как утверждает Е. В. Падучева, неопределенность – это одна из семантических доминант русской картины мира (Падучева 1996: 165 и далее). Не случайно русский язык (РЯ) располагает таким большим количеством НМ, что не характерно ни для одного западно- или южнославянского языка. По подсчетам Н. Д. Арутюновой, в РЯ есть более шестидесяти местоимений и образований, выражающих неопределенность, не считая прилагательных типа *известный, определенный*, являющихся неопределенными по семантике (Арутюнова 1999: 814). Среди НМ есть такие, которые, точнее говоря, не являются неопределенными – это местоимения на *-нибудь* и *-либо*; они чаще всего имеют нереферентный статус, хотя в некоторых случаях могут быть референтными (и, соответственно, иметь неопределенную референцию:

¹ В качестве иллюстрации перечислим некоторые из них: Караулов 1987; Wierzbicka 1992; Норман 1994; Яковлева 1994; Апресян 1995; Зализняк, Левонтина 1996; Wierzbicka 1997; Булыгина, Шмелев 1997; Кубрякова 1997; Степанов 1997; Шмелев 1998; Арутюнова 1999; ЛАЯ 1999 и др.

Займитесь чем-нибудь на своей квартире (А.П.) – Срв.: Они же думают чего-нибудь, раз жалованье получают... (А.П.). Семантике и прагматике русских НМ, их распределению по группам, возможностям взаимозамены и сопоставлению с болгарскими НМ была посвящена отдельная наша работа (см. Чакырова-Бурлакова 2000). Здесь нас интересуют НМ и наречия РЯ как один из ключевых элементов русской языковой картины мира, а также сопоставление с болгарским языком (БЯ). До сих пор, насколько простирается наша осведомленность, неопределенность в БЯ не поддержалась исследованием с такой точки зрения; соответственно, отсутствует и сопоставление с этим фрагментом русской языковой картины мира.

Взгляд назад в историю развития русского и болгарского языков обнаруживает интересный и показательный факт: дейктическая частица *то* в БЯ превратилась в определенный артикль, в то время как в РЯ она стала служить строительным элементом в структуре одних из наиболее распространенных неопределенных местоимений. Этот факт является яркой иллюстрацией утверждения, что “в ходе эволюции русского языка возможности выражения значения неопределенности расширились и их употребление возрастало по своей частотности” (Арутюнова 1999: 814).

Существует референциальная и признаковая неопределенность. По нашим наблюдениям, предметом исследования была прежде всего референциальная неопределенность. Она получает различные названия в отдельных работах. В зависимости от степени неопределенности она называется неизвестностью (Падучева 1985: 210) или неконкретизованностью (Шелякин 1978: 15), слабой определенностью (Падучева 1985: 212) или полунеопределенностью (Крылов 1989: 10), невыбранностью (Селиверстова 1964: 85), нефиксированностью (Левин 1973: 111, Шелякин 1978: 10) или неустановленной реальностью сообщаемого (Маловицкий 1971: 85-86). В работах, которые разграничивают два противопоставления в семантике НМ – известность / неизвестность и референтность / нереферентность – говорится еще о нереферентном статусе некоторых неопределенных местоимений (Падучева 1985: 212) или о нереферентной неопределенности (Кузьмина 1989: 159). В русле предметной неопределенности различия между русским и болгарским языками состоят в большем количестве русских НМ: за каждым из них закреплены определенные значения, и замена одного НМ другим без изменения смысла высказывания относительно редко возможна (это подробно было показано в Чакырова-Бурлакова 2000). Таким образом, эти различия связаны с системой каждого из языков. Что касается, однако, прагматики НМ, надо сказать, что для говорящего и на русском, и на болгарском языках существуют ситуации, примерно идентичные, в которых необходимо употребление НМ с целью выражения референтной или нереферентной неопределенности. (Не будем здесь останавливаться на трех типах ситуациях, которые возможно разграничить в зависимости от когнитивного состояния продуцента дискурса и его коммуникативных интенций, они тоже были нами рассмотрены в упомянутой работе.)

Оба языка имеют свой арсенал средств выражения прагматической оценки. В самом общем плане оценочно-модальные значения возникают, когда НМ сочетаются с неисчисляемыми именами, когда нет множества, из которого выделялся бы данный референт (существующий и неизвестный или еще не выбранный). Иными словами, “употребленные не на “своем месте” НМ модифицируют свое значение...” (Николаева 1983: 349). “Не на своем месте” здесь означает употребление НМ при определенных дескрипциях типа ... *препроводить тебя в какой-нибудь Вельсегонск...* (Н.Г.). При этом, как видно из примеров, местоимение *какой-нибудь* связано с более низкой прагматической оценкой, в то время как *некоторый* и *кое-какой* – с более высокой. Срв.: *Однако в том, что Вы пишете далее, я вижу, Ваше Сиятельство, некоторый резон...* (Б.О.). Прагматическая оценка говорящего ярко присутствует в

семантике болгарских НМ рядов *-то и да е* и *...да е*, а также *-годе* (см. по этому вопросу Ницолова 1980). При этом утверждается, что местоимения первого ряда обозначают референт любой прагматической стоимости – от низшей до самой высокой, т.е. выбор абсолютно произволен (*Разбираше само, че трябваше да се махне оттук, да извика някого – някой друг човек, какъвто и да е той...* – П.В.), в то время как местоимения второго ряда обозначают референт только средней или низшей стоимости, т.е. выбор является только частично произвольным (*Разбира се, шивачът не беше какъв да е* – П.В.). Надо, однако, подчеркнуть, что такое разграничение не всегда четко проводится в речи: *Вървеше право пред себе си, никога не се обръщаше да погледне встрани – нито хора, нито витрини, нито какво и да е било друго по улицата* (П.В). *Взemi коя да е книга и идвай*. Срв. также наличие сниженной прагматической оценки в случаях употребления местоимений с начальным элементом *ня-* в транспозиции, т.е. при определенных дескрипциях (часто с постпозитивным элементом *си*): *Много го интересува какво казал някакъв си директор*.

Картина соотношения между русским и болгарским языками в плане употребления НМ значительно отличается от описанной выше, когда выражается признаковая неопределенность (когда НМ выступают в качестве приименного показателя неопределенности, часто в атрибутивных сочетаниях). Анализ примеров показывает, что в РЯ фреквентность употребления местоимений и наречий на *-то* значительно возрастает за счет всех остальных форм, употребление которых редуцируется. Таким образом, основная разница состоит не в возможностях, которые предоставляют системы языков, а в употреблении. Русский текст изобилует средствами выражения признаковой неопределенности, среди которых основную роль играют НМ и наречия. См., напр., следующий типично русский текст, где скопление неопределенных выражений не вызывает возражений и без сомнения звучит естественно: *И в этой благостной тишине вдруг откуда ни возьмишь звучали какие-то слабые струны; какие-то неясные звуки вырывались из-за домов, из подворотен; какие-то слова, которых было не понять, не запомнить, разрозненные, сбивчивые: какая-то песня, что ли, которую напевал некий невидимый житель – не пьяный сапожник, не сбитеничик, не бродяга, не вор, не извозчик, но и не тайный советник, или генерал, или князь...* (Б.О.). В русском дискурсе также очень употребительно неопределенное наречие *как-то*: *Хорошо, а только ерундово как-то* (А.П.). Можно положить, что такая неопределенность свидетельствует о неопределенности в мыслях и суждениях носителей языка. Это не только невозможность найти точную экспликацию признака, это и ощущение неполноты семантики слова, поиск некоторого смысла, находящегося за пределами семантики слова. «Русскому дискурсу присуща своего рода “клаустрофобия” – боязнь пространства, замкнутого конкретно и полностью эксплицированной информацией. Сквозь факты в нем просвечивает закулисная жизнь. Она придает фактам потаенный смысл. Факты утрачивают определенность и вместе с тем приобретают дополнительную значимость, вытекающую из их неокончателности» (Арутюнова 1999: 816). Кажется, русский текст звучал бы менее естественно, если бы в нем не было показателей неопределенности. БЯ имеет средства для передачи этой неопределенности, и при переводе на БЯ эта категория обычно передается эксплицитно. Разница, однако, состоит в том, что в оригинальном болгарском тексте значительно реже используются такие показатели признаковой неопределенности.

Существенное различие между болгарским и русским языками в плане признаковой неопределенности мы находим и в диапазоне употребления НМ типа *какой-то* и *някакъв*. Как известно, в русском дискурсе *какой-то* в именной группе

может относиться и к имени, и к его определению²: *Какой-то чудной старик встретил меня в лесу – Он был **какой-то** чудной старик*. В первом из приведенных предложений местоимение указывает на неопределенность референции, и поэтому возможно упустить определение без смысловой потери, в то время как во втором случае местоимение указывает на неопределенность признака, следовательно возможно только упущение имени, а не его определения. Срв. *Он был **какой-то** чудной – *Он был **какой-то** старик*. Представляется, что в БЯ в высказывании типа *?Той беше **някакъв** странен старец* все-таки просвечивает значение неопределенности референта, а не только признака, т.е. намечается известное противоречие, возникающее при употреблении рядом *той* (отсылающего к идентифицированному референту) и *някакъв* (относящегося к неидентифицированному референту). В БЯ правильное было бы употребить НМ в интродуктивном контексте типа *Това беше **някакъв** странен старец*; аналогичная конструкция естественна и в РЯ. В БЯ в такой конструкции возможно опущение подлежащего (и соответственно темы) типа: *Още преди да се ожени, той бе зърнал, макар и само за миг, своя предшественик – турчина. Ø* *Беше **някакъв** черен, космат гигант от кюрдски произход... (П.В.)*. Итак, в РЯ выражение типа *какой-то таинственный человек* может обозначать и неопределенность референции (*какой-то человек*) и неопределенность признака (*какой-то таинственный*). Поэтому естественно изменение конструкции: *Он был **какой-то** очень таинственный*. В БЯ конструкции типа *някакъв тайнствен човек* всегда обозначают неопределенность референции, хотя чем более абстрактен признак, чем он дальше от стандарта, тем вероятнее, что одновременно с тем конструкция указывает также и на неопределенность признака: *Но той наблюдаваше очите ѝ – в тях като че ли нямаше никакво вълнение, само **някаква** особена, нечовешка съсредоточеност*. В БЯ для акцентирования неопределенности признака чаще используется конструкция с неопределенным наречием типа *Той беше **някак** странен*.

В заключение этих рассуждений скажем следующее. Действительность одна, но, как известно, в тексте отражается концептуализация этой действительности, следовательно, ее модели множественны. В них преломляется как мировоззрение носителей данного языка, их национальная ментальность, так и особенности этого языка, обеспечивающего средства для передачи определенного смысла. В этом плане русский дискурс по сравнению с болгарским значительно более насыщен неопределенными местоимениями и наречиями для передачи признаковой и модальной неопределенности. Таким образом, русский дискурс в определенной степени более “открыт”, НМ маркируют пустые места, незаполненные семантические пространства, свидетельствующие об осознании говорящим разрыва между “наивным” постижением мира и ограниченными возможностями экспликации значения, о поисках новых возможностей выражения смыслов и об осознании невозможности полностью проникнуть в некоторые сферы окружающего мира и его центра – самого человека.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АПРЕСЯН, Ю. Д. (1995): “Образ человека по данным языка: попытка системного описания”. В кн.: *Ю. Д. Апресян. Избранные труды*. Т. II. Москва.
 АРУТЮНОВА, Н. Д. (1999): *Язык и мир человека*. Москва.
 БУЛЬГИНА, Т. В., ШМЕЛЕВ, А. Д. (1997): *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. Москва.
 ЗАЛИЗНЯК, А. А., ЛЕВОНТИНА, И. Б. (1996): “Отражение национального характера в лексике русского языка (Размышления по поводу книги: А. Wierzbicka. Semantics, culture, and cognition.

² Н. Д. Арутюнова утверждает, что это явление оставляет яркую особенность русского языка (Арутюнова 1999: 818).

- Universal human concepts in culture – specific configurations. N.Y.; Oxford, 1992)”, *Russian Linguistics*, V, XX, № 2-3.
- КАРАУЛОВ, Ю. (1987): *Русский язык и языковая личность*. Москва.
- КРЫЛОВ, С. А. (1989): “О семантике местоименных слов и выражений”, *Русские местоимения: семантика и грамматика*. Владимир, с. 5-12.
- КУБРЯКОВА, Е. С. (1997): *Части речи с когнитивной точки зрения*. Москва.
- КУЗЬМИНА, С. М. (1989): “Семантика и стилистика неопределенных местоимений”. В кн.: *Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект (Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика)*. Под ред. Д. Н. Шмелева. Москва, с. 158-231.
- ЛАЯ (1999): *Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке*. Москва.
- МАЛОВИЦКИЙ, Л. Я. (1971): “Вопросы истории предметно-личных местоимений”, *Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена*, т. 517. Череповец.
- НИКОЛАЕВА, Т. М. (1983): “Функциональная нагрузка неопределенных местоимений в русском языке и типология ситуации”, *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка*, т. 42, с. 342-353.
- НИЦОЛОВА, Р. (1980): “Прагматична оценка в семантиката на българските местоимения”, *Годишник на Софийския университет “Климент Охридски”. Факултет по славянски филологии*, т. 74, 3, с. 246-251.
- НОРМАН, Б. Ю. (1994): *Грамматика говорящего*. Минск.
- ПАДУЧЕВА, Е. В. (1985): *Высказывание и его соотношенность с действительностью*. Москва.
- ПАДУЧЕВА, Е. В. (1996): “Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира”. В кн.: *R. Venacchio, F. Fici, L. Gebert (eds.). Determinatezza e indeterminazione nelle lingue slave*. Firenze, с. 163-185.
- ПАДУЧЕВА, Е. В. (1997): “Кто же вышел из “Шинели” Гоголя? (О подразумеваемых субъектах неопределенных местоимений)”, *Известия АН. Серия литературы и языка*, т. 56, № 2, с. 20-27.
- СЕЛИВЕРСТОВА, О. Н. (1964): “Опыт семантического анализа слов типа *все* и типа *кто-нибудь*”, *Вопросы языкознания*. № 4, с. 80-90.
- СТЕПАНОВ, Ю. С. (1997): *Константы. Словарь русской культуры*. Москва.
- ШЕЛЯКИН, М. А. (1978): “О семантике и употреблении неопределенных местоимений в русском языке”, *Ученые записки Тартуского государственного университета*, вып. 442, с. 3-22.
- ШМЕЛЕВ, А. Д. (1998): “Широта русской души”, *Русская речь*, № 1.
- ЧАКЫРОВА-БУРЛАКОВА, Ю. И. (2000): “Русские и болгарские неопределенные местоимения: семантика и прагматика”, *Состояние и перспективы сопоставительных исследований русского и других языков*. Сборник докладов V-го Международного симпозиума МАПРЯЛ. Белград – Ниш, с. 290-298.
- ЯКОВЛЕВА, Е. С. (1994): *Фрагменты русской языковой картины мира. Модели пространства, времени и восприятия*. Москва.
- WIERZBIŃSKA, A. (1992): *Semantics, culture, and cognition. Universal human concepts in culture – specific configurations*. N.Y.; Oxford.
- WIERZBIŃSKA, A. (1997): *Understanding cultures through their key words*. N.Y.; Oxford.

ЭКСЦЕРПИРОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Русский язык

- А.П. – А. ПЛАТОНОВ. *Государственный житель: Проза, ранние сочинения, письма*. Москва, 1988.
- Б.О. – Б. ОКУДЖАВА. *Похождения Шипова или старинный водевиль*. Москва, 1985.
- В.Т. – В. ТЕНДРЯКОВ. *Расплата. Повести*. Москва, 1982.
- Н.Г. – Н. В. ГОГОЛЬ. *Мертвые души*. Москва, 1968.

Болгарский язык

- П.В. – П. ВЕЖИНОВ. *Нощем с белите коне*. София, 1987.